

Hotel Corneille, 5, Rue Corneille. Place de l'Odeon.

Paris 6-me.

23 июня 1926 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Спасибо Вам за Ваше письмо и память, но должен Вам с места сказать, что с содержанием Вашего письма я не согласен. Буду вполне откровенен и, чтобы быть ясным, буду по морской привычке всякую вещь называть своим именем, не прибегая к обинякам.

Так как Вы, конечно, копии своего письма (без года, места и числа) себе не оставили, то для удобства ссылок прилагаю таковую, пометив пункты.

По п. 1-ому. Выбор Ваш и сочленов по Конференции меня как возможного кандидата на должность Вице-Президента делает мне большую честь, и свидетельствует о том, что ни Вы, ни наши сочлены по Конференции не знают того неопределимого отвращения, которое я питаю ко всякого рода административной деятельности.

Не буду говорить о моей службе в Морском Ведомстве и о неудачных попытках приспособить меня не только к технике, но и к администрации; напомним Вам попытку Академии поручить мне Директорство над Г[лавной] Ф[изической] Об[серваторией]. И тот анекдотический скандал, который от него произошел.¹

По п. 2-ому. Вы пишете «мы знаем хорошо Вашу работу за границей». Но это есть *façon de parler*: — моей работы за границей ни Вы, ни мои сочлены не знаете и конечно не цените ее ни во грош, а считаете, что я

¹ В промежуток 1908-1910 гг. А. Н. Крылов в качестве главного инспектора кораблестроения и председателя Морского технического комитета возглавлял кораблестроение всей России. Алексей Николаевич Крылов лично вникал во все детали проектов первых российских линкоров. Его прямолинейность, неподкупность, искренность и смелость суждений сделали для него невозможным дальнейшее пребывание в Морском министерстве, которое он и покинул перед первой мировой войной. В 1916 году Крылов возглавил Главную физическую обсерваторию и Главное военно-метеорологическое управление. Согласно правилам, на должность директора Главной физической обсерватории мог быть назначен лишь человек, отвечающий следующим требованиям: академик и в генеральском чине или соответствующем придворном звании. Крылов требованиям отвечал, но занимать эту должность не хотел; по его словам: «Сдав в 1882 г. экзамен в Морском корпусе по метеорологии, я с тех пор этим предметом не занимался».

занимаюсь выгодным ремеслом вместо науки, т.е. делаю дело академика недостойное.²

В значительной мере такое мнение происходит от разности взглядов на то, что составляет науку и что технику и ремесло.

Мне, например, кажется, что у многих «чистых» ученых на этот предмет сохранились еще те схоластические воззрения, которые проявились в учении о «высоком», «среднем» и «подлом» стиле.

Если я произвожу расчеты Пулковского объектива, стоящего 1300 ф. ст., то это, по-вашему, «высокая» наука, а если я, производя расчеты двух нефтеналивных судов, стоящие каждое по 180.000 ф. ст., показал как простым изменением предложенного французами проекта, повысить грузоподъемность судов на 600 тонн для каждого без повышения стоимости их постройки, т.е. принес выгоды на 2000 ф. ст. (суда расцениваются по грузоподъемности для этого класса по 16 ф. ст. за тонну), то это «подлая» техника.

Когда вопреки мнению германских экспертов, давших заключение, что по Гёта-эльф может проходить пароход, поднимавший только 3 или 4 паровоза без тендеров, а я нашел, купил и приспособил пар[оход] «Нибинг» так что он перевозил 11 паровозов и 11 тендеров сразу, причем до допускаемого правилами парохода по Готскому ка[налу] предела у него осталось всего 2 дюйма запаса, то Вы в Берлине считали, что эта техника, как бы ломовой извоз, академика недостойный.

Первые рейсы я должен был сам сделать на этом пароходе, ибо «Дерутра» слагала с себя «всякую за них ответственность». На перевозке 450 паровозов я этим сберег для нашей казны до 200.000 ф. ст., и только покойный Вл[адимир] Андр[еевич]³ в своем отзыве признал и показал, что

² В начале 1921 года по ходатайству Академии Наук за границу была направлена группа ученых-сотрудников Оптического и Политехнического институтов, Главной физической обсерватории: в Германию, затем в Англию и Францию. Основная цель поездки – восстановить научные связи российских и зарубежных ученых, закупить новую литературу и оборудование. Во время командировки А.Н. Крылов много занимался организацией транспортировки паровозов и тендеров из Германии, Англии, Швейцарии; выкупом у англичан бывшего российского крейсера «Аскольд», покупкой ледокола «Святогор»; в 1922 году стал начальником морского отдела Российской железнодорожной миссии в Берлине; как член Русско-норвежского общества курировал строительство пароходов-лесовозов в Норвегии и т.п. Далее в письме Крылов останавливается подробнее на некоторых вопросах, которыми ему приходилось заниматься за границей.

³ Имеется в виду: Владимир Андреевич Стеклов (1864-1926), вице-президент Академии Наук (1919-1926).

это тоже «наука» и что «приложение научных познаний к практике» входит в обязанности академика.

Короче говоря — изучать паразита в заднем проходе таракана — это наука, а изучать имевшее место неправильности конструкции дейдвудных труб корабля — это техника, первое похвально, второе гнусно.

Но от паразита только чешется у таракана, а я не пожелал бы ни Вам ни сочленам быть даже пассажирами на пароходе, у которого в океане от недостатков в дейдвудной трубе произойдет поломка гребного вала и машина разлетится в дребезги (City of Paris).⁴

По п. 3-ему. Мое мнение о «том исключительном положении, какое Академия заняла с ее многочисленными учеными учреждениями в Союзе», вероятно, глубоко разнится от Вашего и от мнения многих наших сочленов.

Это мое мнение делает меня особенно непригодным для должности вице-президента.

Мне представляется, что значительная часть «ученых учреждений» Академии не есть результат ее естественного роста, а что они суть болезненные чуждые наросты на теле ее, и чем скорее Академия от них избавится, тем лучше. Мое мнение, что благодаря своим «многочисленным ученым учреждениям» Академия напрасно пыжится и может, не выросши с вола, лопнуть, как лягушка в басне.

Чтобы кому-нибудь не повредить я этого своего мнения не высказывал, и мог это делать, но скажите — смогу ли я отстаивать, как вице-президент, сметы таких учреждений, самое существование которых при Академии я считаю для нее вредным.

Таких учреждений множество; значит, по первой же смете я должен был бы пройти Мамаем и Вы сами стали бы меня уговаривать уйти по добру по здорову от вице-президентства к кораблям и технике и не уподобляться битюгу в посудной лавке.

Так стоит ли для этого огород городить.

По п. 4-му. До сих пор мы были в области товарищеского обсуждения моей кандидатуры; выставлять ее и обсуждать в своей среде, хотя бы на

⁴ Пассажирское судно «City of Paris» было спущено на воду в 1888 году и до 1893 года считалось одним из самых быстрых судов своего класса в Великобритании. В 1899 году оно затонуло недалеко от Корнуолла.

должность митрополита С.Петербургского и Ладожского никому не возбраняется, и на это я никакой претензии высказать не могу, но Вы этим не ограничились, и как сами пишете «я переговорил с членами Правительства (А.И. Рыковым и А.С. Енукидзе)». Здесь, как мне кажется (не сомневаюсь, что с самыми добрыми намерениями), Вы вышли из области «товарищеского обсуждения», меня о том, заранее не предупредив и не запросив моего согласия, и тем совершили надо мною как бы род нравственного насилия.

Если бы в переговорах с членами Правительства Вы ограничились обсуждениями об обеспечении должности вице-президента АН определенными условиями и привилегиями с нею связанными, то я ничего бы не возражал; но, судя по всему, Вы обсуждали персональную мою кандидатуру, и здесь я не мог бы претендовать, если бы, проявляя щепетильную корректность Вы спросили бы главу Правительства, не возражает ли он против этой кандидатуры, но и только.

Выговаривая же персональные привилегии, Вы поставили меня в ложное положение.

В самом деле, подумали ли Вы о том, что желая меня заманить персональными привилегиями, Вы даете повод истолковать это, например, так:

а) «Академия-то хочет создать прецедент для своего вице-президента и пробить брешь в ограде бюджетной экономии». Вы лучше меня знаете, что древние для этого пользовались таранами с бронзовой бараньей башкой, которой и били в стену.

Смею думать, что у меня башка не баранья и лоб не медный и мною как тараном в стену бить не приходится.

б) Вот другое толкование: «Крылов-то всегда говорит и говорит, что для административных должностей не годен, а как помахали перед носом открытым бумажником, так на все готов» (на морском языке эта фраза говорится иначе — из уважения к Вам высказываюсь по-береговому).

По п. 5-ому. К числу вредных на теле Академии наростов я отношу и возложение на Физ[ико]-Мат[ематический] Инст[итут] заведывание

сейсмической сетью. Когда Бор[ис] Бор[исович]⁵ создавал научную сейсмометрию, оно имело смысл, но после того, как сеть создана, то валовой

Здесь опять конфликт между моими и Вашими воззрениями на науку и технику: по-вашему (не лично, а фигурально) обработка Пулковской сейсмограммы землетрясения, происшедшего в пустынях Патагонии — наука, а обработка аналогичной записи вибрации корабля, полученной притом подобным же прибором — ремесло, техника.

По-моему же предвычисление вибраций корабля, разработка конструкции его так, чтобы низвести их до наименьшей величины, и осуществление всего этого на деле есть гораздо более интересное и полезное приложение науки, нежели установление элементов бывшего 37-го мартабрюа землетрясения в Патагонии.

Думаю, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что сказанного довольно, чтобы убедить Вас и наших коллег, что для должности вице-президента я абсолютно непригоден; что делать научную работу из-под палки нельзя — творчество более всего требует свободы; что резкой грани между наукой и техникой поставить нельзя и что если я 37 лет занимался «наукой о кораблях» (*Scientia Navalis* Эйлера⁶), то не имеет смысла отрывать меня от вверенных мне построек судов, в проекты которых я внес много своего, и заставить меня отстаивать и составлять сметы учреждений, мною признаваемых за ненужные — кроме вреда для дела и для Академии это ничего иного принести не может.

Простите мою грубую откровенность и верьте моему глубочайшему к Вам уважению и искренней преданности.

А. Крылов.

[на обороте]

P. s. А. Ф. Иоффе мне также пишет о бывших суждениях о моей кандидатуре — чтобы не повторяться я просто посылаю ему копии этого письма.

⁵ Имеется в виду: Борис Борисович Голицын (1862-1916) – геофизик, академик Петербургской АН (1908). Один из основоположников сейсмологии, изобретатель первого электромагнитного сейсмографа (1906). В 1911 году был избран президентом Международной сейсмологической ассоциации. Был директором Николаевской главной физической обсерватории (1913-1916). В своей автобиографической книге «Мои Воспоминания» А.Н. Крылов посвятил Б.Б. Голицыну целую главу.

⁶ Имеется ввиду: двухтомное сочинение Леонарда Эйлера по теории кораблестроения, изданное в 1749 году в Санкт-Петербурге.

А. Крылов.

Р. Р. s. Надеюсь А. И. Рыкову мне писать не придется и Вы сами исправите сделанную Вами ошибку, сообщив ему например, что все испрашиваемые Вами привилегии относились к должности вице-президента Академии вообще, а не к персональной моей кандидатуре.

А. Крылов.

С подлинным верно.

Непременный Секретарь,

Академик /подпись/

Управляющий Делами Конференции /подпись/

[Ф. 2. Оп. 17. Д. 98. Л. 253–255. Подлинник. Автограф]